Melody Morrow

Невеста последнего Первозданного охотника

Цикл «Наследие Великой Ночи»

18+

Melody Morrow

Невеста последнего Первозданного охотника

«Автор»
2026

Morrow M.

Невеста последнего Первозданного охотника / M. Morrow — «Автор», 2026

Мара Вейл привыкла искать ответы там, где другие давно перестали их искать. Старые карты, архивные записи и чужие тайны составляли большую часть её жизни. Но однажды вечером она становится свидетельницей убийства человека, который перед смертью успевает оставить ей нечто, способное изменить всё.Теперь за Марой охотятся те, чьих имён она даже не знает. А единственным способом остаться в живых становится сделка с человеком, которому доверять опаснее, чем собственным преследователям.Сайлас Восс — последний известный Первозданный охотник. Его имя связано с древними чудовищами, исчезнувшими народами и тайнами, о которых предпочитают не говорить даже в королевских дворцах. Он предлагает Маре защиту. Но цена этой защиты — брак.Великая Ночь не закончилась. Она лишь ждёт своего часа.

© Morrow M., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который не должен был умереть 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Melody Morrow
Невеста последнего Первозданного охотника

Глава 1. Человек, который не должен был умереть

В нижнем зале Королевской картографической палаты никогда не бывало по-настоящему тепло. Даже в разгар лета, когда над Эйрхольмом висела тяжёлая жара, а раскалённые мостовые обжигали подошвы, под сводами архива сохранялась прохлада. Каменные стены удерживали сырость, пережившую не одно поколение архивариусов, а узкие окна под самым потолком пропускали лишь столько света, сколько требовалось, чтобы различать надписи на старых пергаментах. Остальное приходилось доверять свечам и лампам.

Здесь пахло воском, кожей переплётов и бумагой, которую давно следовало убрать под стекло. Иногда к этому примешивался запах пыли, поднятой со стеллажей, или горьковатый дух чернил, приготовленных по старинному рецепту. Мара Вейл давно перестала замечать всё это. Архив имел собственный запах, собственную тишину и собственный порядок, который нарушался лишь тогда, когда кто-нибудь из младших служащих ронял стопку документов. Впрочем, даже в таком случае тишина восстанавливалась быстро. Господин Реннер не терпел шума.

Мара склонилась над картой, придерживая ладонью её загнувшийся край. Перед ней лежало изображение восточных земель Вальдхейма, составленное больше сорока лет назад. Картографы обозначили на нём русла рек, границы лесов, поселения, старые заставы и дороги, большая часть которых к нынешнему времени либо изменила направление, либо вовсе исчезла с королевских карт.

Её занимала одна из таких дорог. Она тянулась от восточных предместий через несколько небольших поселений, затем уходила к Чёрному пределу и терялась среди лесных массивов. Красная черта была проведена уверенной рукой, но в двух местах обрывалась, чтобы спустя несколько дюймов появиться вновь. На полях сохранились мелкие пометки, почти стёртые временем. Часть из них не поддавалась прочтению, остальные были сделаны знаками, давно вышедшими из употребления.

Мара поднесла лампу ближе. У пересечения двух ручьёв, в месте, где дорога должна была повернуть на северо-восток, стоял знак. Незамкнутый круг, внутри которого сходились несколько тонких линий. Из-за потемневших чернил он напоминал раскрытый глаз. Она уже встречала его прежде.

Мара отложила лупу, поднялась и подошла к соседнему столу. Там, под тяжёлым деревянным прессом, лежала другая карта той же местности. Более поздняя, составленная спустя двадцать три года после первой. Она развернула её, придерживая углы свинцовыми грузиками, и принялась искать знакомое место.

Застава исчезла. Не была перечёркнута, не получила отметки о разрушении. Её просто не оказалось на карте. Вместе с ней пропало и поселение, прежде стоявшее у дороги. Красная линия теперь заканчивалась за несколько миль до ручьёв, словно картографу не было известно, что лежит дальше.

Мара вернулась к первой карте и вновь посмотрела на знак. На третьей, составленной ещё позднее, дорога не значилась вовсе. Она провела пальцем над пергаментом, не касаясь его. Случайная ошибка могла объяснить одну неточность. Две, если картограф был небрежен. Но здесь менялось слишком многое. Дорога существовала, затем стала заброшенной, а после

и вовсе исчезла из официальных записей. Застава разделила её судьбу. Поселение, судя по реестрам, покинули жители, но нигде не указывалось, когда именно это произошло и куда они переселились.

Мара достала из ящика лист чистой бумаги и начала переписывать даты.

— Если намерены продырявить карту взглядом, госпожа Вейл, предупреждаю: она не станет от этого разговорчивее.

Мара не обернулась.

— Тогда мне придётся прибегнуть к чернилам. Они обычно сговорчивее.

— Чернила хотя бы оставляют после себя полезные следы.

Господин Реннер остановился у её стола. Седые волосы были тщательно зачёсаны назад, ворот тёмного камзола застёгнут на все пуговицы. На переносице сидели очки в тонкой металлической оправе. В одной руке он держал связку ключей, в другой — несколько свёрнутых ведомостей.

Он посмотрел на разложенные карты и слегка поджал губы.

— Восточные земли?

— Как видите.

— Вижу. И хотел бы знать, с какой стати они заняли половину моего нижнего зала.

— С той, что их прислали сюда.

— Кто?

— Неужели вы полагаете, что я сама вытащила их из хранилища?

Реннер посмотрел на неё поверх очков.

— Я полагаю, что вы способны на многое, когда находите занятие интереснее предписанного.

Мара сдержала улыбку и указала на карту.

— Здесь есть расхождения.

— В старых картах? Какая неожиданность.

— Не такого рода. Посмотрите на эту дорогу. На первой она обозначена как действующая. На второй уже считается заброшенной, хотя между ними всего двадцать три года. На последней её нет вовсе. Вместе с заставой и поселением у ручьёв.

Реннер наклонился над столом. Некоторое время он молчал, изучая линии, затем выпрямился.

— Поселение покинули после нападений. Людей переселили ближе к столице. Дорога пришла в негодность, застава утратила назначение.

— В реестре не указано, кто распорядился о переселении.

— Не всякое распоряжение доживает до наших дней.

— Но само переселение должно было оставить след. Списки жителей, расходы на обозы, записи о передаче земель…

— Вы полагаете, что я не знаю, как ведутся королевские реестры?

— Я полагаю, что здесь чего-то недостаёт.

Реннер взял со стола лупу, посмотрел на знак у пересечения ручьёв и положил её обратно.

— Старые межевые обозначения. Некоторые из них использовали ещё до Великой Ночи. После того как границы земель изменились, а Эфир перестал подчиняться прежним законам, от многих знаков остались лишь названия. Нет смысла искать в каждом из них тайное послание.

— Но этот знак повторяется на двух картах.

— Значит, его перенесли с одной на другую.

— Или он указывал на нечто, что не следовало забывать.

Реннер медленно повернул голову.

— Госпожа Вейл, архив хранит сведения о прошлом, а не приглашает вас исправлять его.

— Я и не собиралась исправлять. Только выяснить, почему из записей исчезла целая дорога.

— Потому что ею перестали пользоваться.

— Дороги редко исчезают вместе с теми, кто по ним ходил.

На лице Реннера не дрогнул ни один мускул, но он задержал взгляд на карте чуть дольше, чем требовалось.

— Великая Ночь изменила больше, чем вы можете себе представить, — произнёс он наконец. — После неё целые земли оказались отрезаны от прежних путей. Некоторые поселения пришлось оставить, другие поглотили леса. То, что прежде было безопасным трактом, могло стать дорогой к гибели. Корона не обязана хранить память о каждом камне, на котором когда-то стоял пограничный столб.

— Но обязана хранить записи о том, что случилось с людьми.

— Вы слишком много требуете от мёртвых бумаг.

— А вы слишком охотно соглашаетесь считать всё мёртвым.

Реннер снял очки и протёр их краем платка.

— Закончите опись, Мара. И не тратьте остаток дня на знаки, смысл которых давно утрачен.

Он направился к выходу между стеллажами.

— Господин Реннер.

— Что ещё?

— Вы не ответили, почему на поздних картах нет даже отметки о заставе.

— Потому что я не собираюсь выдумывать ответ, чтобы удовлетворить ваше любопытство.

Он произнёс это без раздражения, но в его голосе появилась та твёрдость, после которой младшие архивариусы обычно опускали глаза и возвращались к работе.

Мара не опустила.

— Разумный ответ. Жаль, что он ничего не объясняет.

— А вы, как я погляжу, по-прежнему не научились отличать любопытство от усердия.

— Одно другому не мешает.

— В вашем случае мешает и тому, и другому.

Реннер уже собирался уйти, когда заметил нетронутый свёрток возле её локтя.

— Вы опять не обедали.

Мара проследила за его взглядом.

— Я собиралась.

— Когда? После того как закончите разбираться с дорогами, исчезнувшими сорок лет назад?

— Возможно.

— Удивительно, что вы до сих пор не забыли, как пользоваться столовыми приборами.

Он покачал головой и ушёл, оставив её наедине с картами. Мара ещё некоторое время переписывала даты, сверяла обозначения и делала пометки на полях. Однако мысли то и дело возвращались к знаку. Она встречала похожие обозначения в старых межевых книгах, но там они относились к совершенно разным местам. Иногда знак ставили возле ручьёв, иногда на горных перевалах, а однажды она обнаружила его на полях карты, изображавшей земли, которых больше не существовало. Ни одно из этих обозначений не сопровождалось объяснением.

Она перевернула первый пергамент, собираясь проверить состояние оборотной стороны. На потемневшей бумаге проступала подпись. Мара замерла.

Сначала она различила лишь несколько букв, почти стёртых временем. Затем наклонила лампу и осторожно смахнула с края листа пыль.

Эдвард Вейл.

Подпись отца.

Она узнала её прежде, чем успела прочесть полностью. В детстве Мара часто наблюдала, как он подписывал письма, отчёты и карты. Отец всегда сильнее нажимал пером в конце строки, а некоторые буквы соединял тонкими, почти незаметными чертами. Он писал быстро, с лёгким наклоном, и даже спустя годы его почерк оставался для неё узнаваемым среди сотен других.

Мара провела пальцем по воздуху над подписью. Дата сохранилась не полностью. Можно было разобрать год, но последние цифры расплылись, а чернила в нескольких местах въелись в бумагу так глубоко, что разобрать их без специального раствора было невозможно.

Она долго смотрела на имя.

Эдвард Вейл исчез, когда Маре исполнилось восемь. Отец был картографом и исследователем. Его редко можно было застать дома: он отправлялся в экспедиции, возвращался с дорожной пылью на сапогах, с обветренным лицом и рассказами о местах, названия которых Мара не умела даже произнести. Иногда он приносил ей странные подарки: гладкие камни с незнакомых берегов, высушенные растения, раковины, которые не встречались ни в одном из известных морей.

Однажды он подарил ей небольшой компас в потемневшем серебряном корпусе. Мара хранила его до сих пор, хотя стрелка давно перестала указывать на север.

Последняя экспедиция Эдварда пересекла Великий Пояс. Отряд должен был обследовать несколько участков за стеной и вернуться к началу осени. Но ни он, ни остальные участники не вернулись. Поиски продолжались несколько месяцев. Королевские отряды прочёсывали земли за Поясом, проверяли старые заставы, обследовали заброшенные стоянки. Не нашли ни тел, ни снаряжения, ни следов лагеря. Даже кострищ, которые могли бы указать на место последней ночёвки.

Потом поиски прекратили. В официальном списке пропавших Эдварда Вейла внесли в число погибших.

Мара давно перестала ждать, что однажды услышит его шаги за дверью. Мать тоже больше не говорила о возвращении, хотя так и не произнесла вслух, что считает мужа мёртвым. В доме постепенно убрали его вещи, письма перестали приходить, а имя отца осталось среди семейных воспоминаний, которые старались не тревожить без необходимости.

И всё же теперь оно лежало перед ней на старой карте.

Мара перевернула пергамент ещё раз, проверяя, не скрывается ли под подписью дополнительная запись. Ничего. Только дата и едва различимая отметка, сделанная теми же чернилами.

Она поднялась и направилась к шкафу регистрационных журналов. Если карта поступила в палату после экспедиции, её должны были внести в книгу поступлений. Архивариусы не всегда знали, что именно попадало к ним в руки, но каждая переданная карта, каждый свиток и каждая ведомость получали номер и запись о происхождении. Даже документы, изъятые после смерти владельца, проходили через учёт.

Мара провела пальцами по корешкам ближайших книг. Ей требовался журнал за соответствующий год, но он мог храниться в верхнем хранилище, куда допускали лишь старших служащих.

— Вы что-то ищете?

Реннер стоял у дальнего стола и застёгивал дорожный плащ. Судя по тому, как он поглядывал на часы, он собирался покинуть палату.

— Книгу поступлений.

— У нас их немало.

— За год, когда эта карта попала в архив.

Она вернулась к столу и указала на подпись.

Реннер подошёл ближе. Увидев имя, он перестал поправлять манжету.

— Эдвард Вейл, — произнёс он.

— Вы его помните?

— Разумеется. Он работал здесь прежде, чем отправился за Великий Пояс. Хороший картограф. Не всегда осторожный, зато редко ошибался в расчётах.

— Эта карта подписана им.

Реннер склонился над пергаментом. На этот раз он не стал искать оправданий и не торопился отводить взгляд.

— Его почерк, — сказал он после короткой паузы. — Я бы узнал его и без подписи.

— Тогда мне нужен журнал поступлений.

— Он находится в верхнем хранилище.

— Я знаю.

— Доступ туда закрыт.

— Я также знаю.

Реннер повернулся к ней.

— И всё же вы стоите здесь с таким видом, будто собираетесь потребовать ключ.

— Я собираюсь попросить.

— Это едва ли изменит ответ.

— Господин Реннер, если карта поступила после исчезновения отца, я хочу знать, кто её передал. Если раньше, то хочу знать, почему она оказалась среди документов, связанных с землями за Поясом. Вы сами знаете, что такие сведения не появляются в реестрах без причины.

— Знаю. Именно поэтому не стану отдавать вам ключ от хранилища.

— Вы можете присутствовать.

— Сегодня уже поздно.

— Тогда откройте его завтра.

— Я проверю записи сам.

Мара скрестила руки на груди.

— Вы обещали проверить моё прошение о переводе ещё в прошлом месяце.

— И проверю.

— Вы говорили это на прошлой неделе.

— Значит, у вас хорошая память.

— Особенно на обещания, которые не исполняют.

Реннер вздохнул, снял очки и посмотрел на неё уже без привычной строгости.

— Не путайте осторожность с желанием вам помешать. Ваш отец был достойным человеком, но его последняя экспедиция затронула земли, о которых и сейчас предпочитают говорить не слишком громко. Я не собираюсь отправлять вас в верхнее хранилище одну, да ещё и позволять рыться в записях, которые вы не умеете толковать.

— Я умею читать реестры.

— Вы умеете читать слова. Это не всегда одно и то же.

Он взял со стола связку ключей.

— Завтра. До полудня. Если журнал окажется там, где должен быть, я покажу вам нужную запись.

Мара хотела возразить, но Реннер уже направился к двери.

— И поешьте, — бросил он через плечо. — Ваш отец тоже забывал о еде, когда находил занятную карту. Не вижу причин повторять его ошибки.

Дверь закрылась.

Мара ещё раз посмотрела на подпись, затем осторожно накрыла карту защитной тканью. До закрытия палаты оставалось немного времени. Она закончила опись, убрала инструменты в ящик, проверила, чтобы чернильница была плотно закрыта, и собрала свои вещи. Перед ухо-

дом ей полагалось проверить замки на шкафах и хранилищах. Она прошла вдоль стеллажей, убедилась, что верхние секции закрыты, погасила лампы и оставила гореть только ту, что освещала проход к лестнице. У выхода дежурный служащий уже собирался запирать нижний зал.

— Опять задержались, госпожа Вейл?

— Не дольше обычного.

— Господин Реннер так и вовсе, кажется, считает, что солнце должно предъявлять ему разрешение, прежде чем заглянуть в архив.Мара накинула плащ.

— Если бы оно попросило, он заставил бы его заполнить три ведомости.Служащий усмехнулся и отпер дверь.

— Берегите себя по дороге. В восточном квартале нынче неспокойно.

— Там когда-нибудь бывает спокойно?

— После вечернего колокола? Разве что мёртвым.

Она поблагодарила его и вышла.

К тому часу, когда Мара покинула Картографическую палату, над Эйрхольмом уже опустилась ночь. В городе ещё не стихла жизнь, но вечерний колокол давно отзвучал, и последние торговцы торопливо убирали товар. По мостовым катились повозки, направлявшиеся к постоялым дворам, у дверей таверн собирались подвыпившие горожане, а в окнах верхних этажей загорались огни.

Эйрхольм раскинулся по обоим берегам Эйра. Река делила столицу на две части, соединённые каменными мостами, старейшие из которых помнили ещё времена до Великой Ночи. Вода под ними казалась почти чёрной. Лишь в тех местах, где набережные освещали фонари, на поверхности дрожали длинные золотистые полосы.

Выше крыш поднимались башни дворца. Над храмами Единого Света мерцали белые огни, а на перекрёстках уличные служители зажигали небольшие чаши с маслом. По старому обычаю их оставляли гореть до рассвета, чтобы путники не сбивались с дороги, а то, что приходило из тёмных мест, не находило открытого пути в жилые кварталы.

Мара не считала себя суеверной, но никогда не проходила мимо таких чаш, не взглянув на пламя. После Великой Ночи люди научились осторожности. Даже те, кто смеялся над церковными обрядами, предпочитали не проверять, насколько хорошо защищён их дом.Она шла в восточный квартал, держась освещённых улиц. Здесь дома стояли плотнее, чем в центральной части города, а между ними тянулись узкие переулки, ведущие к каналам и старым мостам. На первых этажах ещё работали мастерские, но лавки уже закрывались. Откуда-то доносился стук молотка, за дверью пекарни спорили двое мужчин, а у винной лавки женщина ругала мальчишку, который пытался унести корзину с яблоками.

Возле небольшого торгового ряда Мара задержалась, пропуская телегу.

На прилавке старика, торговавшего резными фигурками, теснились деревянные чудовища. Гривники с костяными пластинами на загривке, безликие с гладкими головами, длиннокрылые крикуны. Между фигурками лежали амулеты: медные круги, узелки из красной нити, костяные подвески и маленькие мешочки с травами.

— Для дома, госпожа! — окликнул торговец. — Оберег от дурного глаза. А вот этот от ночных кошмаров. Здесь, видите, знак Единого Света. Ни одна нечисть через порог не переступит.

Мара остановилась у края прилавка.

— А от высоких цен у вас найдётся?

Старик прищурился.

— От жадности хозяина ни один оберег не спасает.

— Тогда этот товар мне не по карману.

— Вы смеётесь, госпожа, а зря. Нынче всякое водится за стенами. Мой брат видел гривника у старого тракта. Такой величины, что лошадь ему по брюхо не достанет.

— Ваш брат, должно быть, давно не видел лошадей.

Торговец неодобрительно цокнул языком.

— Не всякому дано пережить встречу с тем, что ходит по лесам.

— Я и не спорю. Только не всякий рассказ стоит того, чтобы за него платить.

Она уже собиралась уйти, когда старик наклонился через прилавок.

— А безликих вы тоже считаете выдумкой?

Мара посмотрела на деревянную фигурку с пустым лицом.

— Нет. Но полагаю, что настоящий безликий не стал бы стоять на вашем прилавке за медяк.

— Шутите, пока светло. Ночью у каждого свой язык.Она оставила торговца с его оберегами и пошла дальше.

Мара знала о чудовищах больше, чем большинство горожан. В архиве хранились описания нападений, отчёты охотничьих отрядов, свидетельства выживших и старые трактаты о существах, чьи повадки изменились после Великой Ночи. Она не сомневалась в их существовании. Просто не верила, что каждый шорох в лесу означает встречу с чудовищем, а каждый пропавший путник непременно стал его добычей. Люди любили приукрашивать страх. Иногда потому, что так легче было пережить случившееся. Иногда потому, что на страхе можно было заработать.

Она свернула с широкой улицы в переулок, ведущий к небольшому мосту через канал. Здесь было темнее. Фонари стояли реже, а стены домов почти смыкались над головой, оставляя узкую полоску ночного неба. Мара уже прошла половину переулка, когда услышала шум. Сначала ей показалось, что где-то опрокинули бочку. Затем послышался глухой удар, короткое ругательство и звук, похожий на скрежет подошвы по камню.

Она остановилась.

— Помогите…

Голос был слабым, сдавленным. Мара повернула голову. Звук доносился из узкого прохода между двумя домами, куда не доставал свет ближайшего фонаря. Она помедлила, затем направилась туда. Мужчина сидел у стены, привалившись плечом к каменной кладке. Его плащ был разорван на боку, рубашка под ним пропиталась кровью. Одна нога лежала под неестественным углом, а на виске темнела рваная рана. Лицо мужчины было серым, губы потрескались. Он пытался подняться, но всякий раз, когда переносил вес на ногу, его тело содрогалось от боли.

— Госпожа… — выдавил он. — Помогите.

Мара присела рядом, но мужчина резко схватил её за рукав.

— Нет. Уходите.

— Вы истекаете кровью…

— Уходите, пока можете…

Она высвободила рукав и осмотрелась. Проход заканчивался тупиком, если не считать узкой арки с противоположной стороны. Там, в темноте, стоял человек. Высокий, в тёмном плаще. Лицо скрывал капюшон, руки были опущены вдоль тела. Он не прятался и не пытался уйти. Просто стоял и смотрел.

Мара поднялась.

— Позовите стражу! — крикнула она незнакомцу.

Тот не ответил. Он двинулся к ним.Шаги были неторопливыми. Незнакомец не торопился, словно знал, что раненый уже не уйдёт далеко, а женщина перед ним не представляет опасности. Мара отступила на полшага, заслоняя собой мужчину у стены.

— Он нуждается в лекаре. Если вы его преследовали, то дальше этим займётся стража.

— Отойдите.

Голос незнакомца оказался низким и ровным. В нём не было ни гнева, ни раздражения.

— Вы слышали меня? Здесь раненый человек.

— Я вижу.

— Тогда не подходите.

Незнакомец остановился в нескольких шагах от неё.

— Орен Дал не тот человек, которому следует помогать.

Мара обернулась к раненому.

— Это ваше имя?

Тот попытался что-то сказать, но вместо слов из его горла вырвался влажный хрип. Он смотрел не на неё, а на человека в плаще. В его глазах было что-то, чего Мара прежде не замечала: не только страх, но и узнавание.

— Уходите, — повторил Орен. — Ради Света… уходите.

— Вы оба можете объяснить всё стражникам.

— Последний раз прошу, — сказал незнакомец.

Мара не сдвинулась. Тогда он расстегнул плащ. Клинок появился почти бесшумно. Короткий, с узким лезвием, тускло блеснувшим в свете далёкого фонаря. Мара успела отступить, но не успела крикнуть. Незнакомец обошёл её с такой быстротой, что она лишь краем глаза заметила движение тёмной ткани. Орен попытался поднять руку. Сил ему хватило только на то, чтобы ухватиться за край плаща убийцы. Лезвие вошло ему под рёбра. Раздался глухой звук, не громче удара кулаком по мокрой земле. Орен резко выгнулся. Его пальцы сжались на ткани, затем разжались. Из груди вырвался короткий, сиплый выдох. Незнакомец выдернул клинок и отступил, не глядя на кровь, выступившую на лезвии.

Мара не сразу поняла, что произошло. Она смотрела на Орена, который медленно сползал по стене. Его рот был приоткрыт, но он не мог вдохнуть. Одна рука беспомощно скребла по камням, другая прижималась к животу, пытаясь удержать кровь, которая уже пропитывала ткань между пальцами.

— Нет…

Мара бросилась к нему. Колени ударились о мостовую. Она подхватила его за плечи, стараясь не дать голове стукнуться о камень. Орен оказался тяжелее, чем она ожидала. Его тело дрожало, а дыхание выходило короткими, болезненными толчками.

— Слышите меня? Не закрывайте глаза. Я сейчас приведу лекаря.

Она прижала ладонь к ране, но кровь просочилась между пальцами почти сразу. Тёплая, липкая. Её было слишком много. Орен застонал. Звук оборвался на середине, будто кто-то сжал ему горло.

— Держитесь. Прошу вас, держитесь.

Мара попыталась найти место, где кровь шла сильнее всего, и прижала ткань рубашки плотнее. Орен дёрнулся, его лицо исказилось. Он хотел оттолкнуть её руку, но пальцы едва двигались.

— Не… — прошептал он.

— Не говорите. Берегите силы.

Он повернул голову. На мгновение его взгляд стал яснее. Орен смотрел на неё так, словно пытался запомнить лицо. Его рука скользнула по мостовой. Мара опустила глаза. Между его пальцами зажата была металлическая пластина. Небольшая, размером с половину ладони, потемневшая по краям. На ней был выгравирован тот же знак, что она видела на старой карте: незамкнутый круг и несколько тонких линий внутри. Орен с усилием вложил пластину ей в ладонь.

— Не отдавай им дорогу…

Слова прозвучали почти беззвучно.

— Кому? Что вы хотите сказать?

Он попытался вдохнуть. Грудь поднялась, но воздух словно не дошёл до лёгких. Его пальцы судорожно сжались на её запястье.

— Не… отдавай…

Взгляд Орена на мгновение устремился куда-то за её плечо. Затем его рука ослабла. Мара почувствовала, как пальцы соскользнули с её кожи. Голова мужчины тяжело повернулась набок. Он больше не пытался вдохнуть.

— Орен?

Она наклонилась ближе, не убирая ладони с его груди.

— Орен, слышите?

Тишина. Только где-то за стенами домов шумел город. Скрипела телега, хлопнула дверь, кто-то смеялся на соседней улице. Жизнь продолжалась в нескольких шагах от человека, который только что умер у неё на руках.

Мара медленно подняла голову. Незнакомец стоял неподалёку. Клинок в его руке был опущен, но он не убрал его в ножны. Капюшон по-прежнему скрывал лицо.

— Пластину, — сказал он.

Мара посмотрела на свою ладонь. Металл был холодным, несмотря на кровь, попавшую на её пальцы.

— Что?

— Отдайте её.

— Вы убили его.

— Я не намерен повторять просьбу.

Мара сжала пластину.

— Я позову стражу.

— Стража не поможет вам.

— Вы ошибаетесь.

— Нет. Это вы ещё не понимаете, во что вмешались.

Он сделал шаг. Мара отшатнулась, едва не поскользнувшись на крови. На миг ей показалось, что ноги перестали слушаться. Она хотела закричать, но голос застрял в горле. Незнакомец протянул свободную руку.

— Пластину.

Мара развернулась и побежала. Проход вывел её во внутренний двор между несколькими жилыми домами. Здесь было ещё темнее. На стенах висели бельевые верёвки, под навесом стояли бочки, а в дальнем углу виднелась узкая калитка, ведущая на соседнюю улицу. Мара рванула к ней. Дёрнула за ручку. Калитка не поддалась. Она попробовала ещё раз, сильнее, ударила плечом. За дверью что-то глухо звякнуло, но замок остался на месте. Шаги позади приближались. Мара обернулась. Незнакомец вошёл во двор. Он не бежал. В этом было что-то пугающее: он двигался так, будто исход уже был решён и ему оставалось лишь дождаться, когда она перестанет сопротивляться.

Мара отступила к калитке, нащупывая ремень сумки. Нож. Небольшой дорожный нож, который она носила с собой для мелких хозяйственных нужд. Лезвие было коротким, рукоять потёртой, но сейчас ей не требовалось ничего лучше. Она выхватила его и выставила перед собой.

— Не подходите.

Незнакомец остановился.

— Вы не умеете им пользоваться.

— Проверять не советую.

— Уберите нож. Я не хочу причинять вам вред.

— Вы уже причинили достаточно.

Он чуть склонил голову, словно её слова показались ему утомительными.

— Тогда не заставляйте меня.

Мара держала нож обеими руками. Пальцы скользили по рукояти. Она понимала, что не сможет противостоять ему в открытом столкновении, но и отдать пластину не собиралась.

Незнакомец сделал ещё один шаг. Она ударила первой. Лезвие рассекло воздух и задело край его плаща. Он перехватил её запястье прежде, чем она успела нанести второй удар. Пальцы сомкнулись так сильно, что боль прострелила до локтя. Мужчина повернул руку, заставляя её разжать пальцы. Нож упал на камни. Мара попыталась вырваться, но он толкнул её к стене. Затылок ударился о кладку. Перед глазами вспыхнули белые пятна.

— Пластина, — произнёс он почти спокойно.

Она попыталась ударить его свободной рукой, но незнакомец перехватил и её.

— Отдайте её, и останетесь живы.

Мара резко подняла колено. Удар пришёлся ему в бедро. Незнакомец на мгновение ослабил хватку, и этого оказалось достаточно. Она вывернула руку, оттолкнула его и бросилась к арке, ведущей к лестнице. Сзади раздался глухой удар. Он, должно быть, задел плечом стену, пытаясь удержать равновесие.

Лестница вела к нескольким жилым дверям. Она взлетела по ступеням, едва не споткнувшись о выбитый край каменной плиты, и забарабанила в ближайшую дверь.

— Откройте! Прошу вас!

Внутри послышались шаги.

— Кто там?

— Откройте! Меня преследуют!

Дверь приоткрылась. На пороге показался пожилой мужчина в домашнем кафтане. Он держал в руке масляную лампу и щурился от света.

Мара протиснулась внутрь прежде, чем он успел задать новый вопрос.

— Закройте. Немедленно!

Мужчина посмотрел на неё, затем на лестницу за её спиной.

— Что случилось?

— Человек убил другого. В проходе, внизу. Он пытался убить и меня. Нужно позвать стражу.

Старик побледнел.

— Вы уверены?

— Я видела, как он вонзил клинок ему в грудь!

Мара сама не узнала свой голос. Он звучал слишком громко, срывался на отдельных словах. Она прижала ладонь к стене, пытаясь удержаться на ногах. Рука, в которой лежала пластина, была сжата так сильно, что металл впивался в кожу.

Мужчина поспешно запер дверь на засов.

— Оставайтесь здесь.

— Нет. Нужно идти к стражникам. Там остался человек.

— Если убийца ещё поблизости…

— Он не мог уйти далеко.

Старик посмотрел на неё внимательнее. Заметил кровь на рукаве, следы грязи на платье, ссадину у виска.

— Вы ранены?

— Это не моя кровь.

Он не стал спорить. Поставил лампу на стол, снял с крючка тяжёлый плащ и взял со стены короткий железный прут.

— Пойдёмте. Но держитесь за моей спиной.

Они спустились по лестнице и вышли во двор. Ожидала увидеть незнакомца возле калитки, но двор был пуст. Только её нож лежал на камнях там, где она его уронила. Она не

стала поднимать его.Пожилой мужчина шёл впереди, освещая дорогу лампой. Мара следовала за ним, стараясь не смотреть в сторону тёмной арки. Когда они добрались до прохода, она остановилась.

На камнях осталась широкая тёмная лужа, растёкшаяся от стены почти до середины прохода. Рядом виднелся след ладони, будто кто-то пытался подняться, опираясь на мостовую. Но самого Орена не было.

— Нет…

Она огляделась. У стены, где сидел мужчина, темнела кровь. На камнях лежала полоска разорванной ткани. Следы тянулись к арке, но обрывались у её края.

— Где он? — спросил старик.

Она присела возле пятна крови, коснулась камня кончиками пальцев. Кровь уже начала густеть. Её не могло быть так много, если бы Орен поднялся и ушёл сам. С такой раной он не прошёл бы и нескольких шагов.

— Его забрали, — предположил мужчина. — Может, сообщник был.

— Здесь никого не было.

— Тогда, быть может, он сам…

— Нет.

Мара произнесла это резче, чем собиралась. Старик замолчал.Она поднялась, чувствуя, как холодеют руки. Ещё несколько минут назад Орен умирал у неё на коленях. Она помнила его дыхание, судорожное движение пальцев, тяжесть тела. Помнила, как кровь проходила сквозь ткань и как его рука соскользнула с её запястья.

Он был мёртв. Она знала это.

— Нужно идти к стражникам, — сказала Мара.

Ближайший пост находился у перекрёстка, в двух улицах от канала. Над входом висел королевский знак, а возле двери стояли двое стражников в тёмных плащах с нашивками городского караула.

Один из них, молодой, с коротко остриженными волосами, поднял голову, когда Мара вошла.

— Что вам нужно?

— Убийство. В восточном квартале, за каналом. Человек убит, а убийца пытался напасть на меня.

Стражник переглянулся с товарищем.

— Вы видели само убийство?

— Видела.

— И где тело?

— Оно исчезло.

Молодой стражник нахмурился.

— Исчезло?

— Я не знаю, как ещё вам объяснить. Там была кровь. Много крови. Мужчина умер у меня на руках.

— Вы были одна?

— Нет. Этот господин помог мне.

Пожилой мужчина шагнул вперёд.

— Я нашёл её у своей двери. Она была напугана и вся в крови. Я видел следы в проходе.

Стражник облокотился на стол.

— Как зовут убитого?

Мара открыла рот, но на мгновение не смогла вспомнить. Перед глазами вновь возникло лицо Орена, его приоткрытые губы, кровь на рубашке.

— Орен Дал.

Улыбка на лице молодого стражника исчезла. Он выпрямился и повернулся к товарищу.

— Позови начальника караула.

Второй стражник сразу направился к внутренней двери.

— Вы знаете его? — спросила Мара.

Молодой не ответил сразу.

— Откуда вам известно его имя?

— Он назвал его сам.

— Орен Дал состоял в Ордене Охотников, — произнёс стражник. — Его разыскивали последние дни.

— За что?

— Это не вам решать.

— Я не прошу решать за меня. Я спрашиваю, почему вы так удивились, услышав его имя.

Стражник бросил взгляд на кровь, запёкшуюся на её рукаве.

— Сядьте. Начальник разберётся.

Мара осталась стоять.

— Я не собираюсь ждать, пока вы решите, стоит ли верить моим словам.

— Тогда вам придётся набраться терпения.

Из внутреннего помещения вышел мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, с тяжёлым лицом и седыми висками. На нём была кольчуга под тёмным кафтаном, а на поясе висел меч с потёртой рукоятью.

— Что за шум?

Молодой стражник коротко изложил ему услышанное.Начальник караула внимательно посмотрел на Мару.

— Ваше имя?

— Мара Вейл.

— Где вы встретили Орена Дала?

Она рассказала всё с самого начала. Как услышала голос, вошла в проход, увидела раненого. Как появился незнакомец, как назвал имя Орена, как достал клинок. Она описала убийство, попытку забрать пластину и погоню через двор. Упомянула пожилого мужчину, который открыл ей дверь, и исчезнувшее тело.

О металлической пластине она не сказала ни слова.

Начальник караула слушал молча. Иногда задавал короткие вопросы: сколько было шагов между ней и убийцей, с какой стороны тот держал клинок, в какую сторону ушёл после нападения. Мара отвечала, насколько могла. Некоторые подробности уже начинали расплываться, но лицо убийцы она помнила отчётливо, хотя почти не видела его.

— Вы уверены, что мужчина был мёртв? — спросил начальник, когда она закончила.

— Я держала его, когда он перестал дышать.

— Тело мог кто-нибудь забрать?

— Возможно. Но я не слышала других шагов. И он был тяжело ранен ещё до того, как я его нашла.

— Вы говорите, что убийца назвал его по имени. Значит, они были знакомы?

— Так мне показалось.

— Вы слышали, о чём они говорили?

— Нет. Только то, что убийца не считал нужным помогать ему.Начальник караула задумался.

— Орен Дал не числился среди тех, кто имел право свободно покидать город в последние дни. Орден направлял запросы о его местонахождении. Мы получили распоряжение сообщать обо всех сведениях, касающихся его появления.

— И теперь вы знаете, где он был.

— Мы знаем, что вы утверждаете, будто видели его.

— Я видела его. Он умер.

Мужчина посмотрел на неё чуть пристальнее.

— Пока нет тела, я не могу официально назвать это убийством.

Мара почувствовала, как внутри поднимается глухое раздражение.

— Значит, кровь на камнях для вас ничего не значит?

— Значит, что на месте произошло нечто, требующее проверки. Я не стану делать выводов до осмотра.

— А убийца?

— Если вы сумеете описать его так, чтобы мои люди нашли след, мы его разыщем.

— Он был в тёмном плаще. Высокий. Лицо скрывал капюшон.

— Это описание половины мужчин в восточном квартале после заката.

— У него был короткий клинок. Узкий, с тёмной рукоятью.Начальник караула кивнул одному из стражников.

— Отправь двоих к проходу. Пусть осмотрят двор, калитку и лестницу. Проверьте ближайшие улицы. Если тело действительно перенесли, следы должны остаться.

Затем он снова посмотрел на Мару.

— Вы пойдёте с нами.

— Зачем?

— Для показаний. И чтобы показать место, где вы видели Орена Дала.

— Я уже дала показания.

— Вы свидетель. Пока что. Но вы последняя, кто видел его живым, и единственная, кто может опознать человека, который на него напал.

— Я не преступница.

— Пока я этого и не утверждал.

— Тогда не обращайтесь со мной так, будто собираетесь заковать меня в кандалы.

Начальник караула устало потёр переносицу.

— Госпожа Вейл, если бы я хотел вас задержать, вы бы уже стояли у стены под охраной. Мне нужно понять, что произошло в том проходе. А вам, судя по всему, нужно понять, почему человек, которого вы считали мёртвым, исчез.

Мара сжала губы.

— Я не считала его мёртвым. Я видела, как он умер.

Начальник караула ничего не ответил. Она пошла за стражниками.

Ночь стала холоднее. Ветер тянул с реки сыростью, заставляя огонь в уличных фонарях дрожать за стеклом. Мара шла между двумя стражниками, стараясь держаться ровно. Её руки всё ещё дрожали, но она не позволяла себе смотреть на них. Пластина лежала в кармане плаща. Она несколько раз проверила её на ощупь, боясь, что потеряла по дороге. Металл оставался холодным. Незамкнутый круг, тонкие линии внутри. Тот же знак, что она видела на карте отца.

«Не отдавай им дорогу…»

Кому именно? Что за дорога? И почему Орен решил передать пластину незнакомой женщине, которую видел впервые?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.